

И.И. АНТОНОВИЧ: «...Я РОДОМ ИЗ СССР. МЕНЯ СФОРМИРОВАЛА СИСТЕМА, КОТОРАЯ ОБЪЯВЛЯЛА И ИСКРЕННО ХОТЕЛА СДЕЛАТЬ ВСЕХ ЛЮДЕЙ СЧАСТЛИВЫМИ»

(интервью доктора философских наук, профессора И.И. Антоновича главному редактору журнала «Социология» профессору А.Н. Данилову)

Уважаемый Иван Иванович, сразу хотелось бы высказать слова искренней признательности за сотрудничество с журналом и согласие ответить на наши вопросы. Мы регулярно печатаем Ваши статьи и комментарии, которые всегда вызывают живой отклик читателей, к Вашему мнению прислушиваются аналитики как в нашей стране, так и в странах ближнего и дальнего зарубежья. С ним соглашаются, спорят, но оно не оставляет никого равнодушным, а это, как нам кажется, самое главное для человека творческого, искренне переживающего за положение дел в родной Беларуси. Наш сегодняшний разговор приурочен к Вашему юбилею – 75-летию. Примите наши искренние и сердечные поздравления со знаменательной датой и пожелания здоровья и новых творческих успехов. А кстати, как Вы сами относитесь к своему собственному юбилею? Еще совсем недавно было очень распространено спрашивать, с какими результатами Вы его встречаете?

Спасибо за добрые слова и за поздравление. Как относиться к юбилею? Большую радость испытывать трудно: жизнь прожита, однако природа дает человеку удивительные резервы, в том числе и нравственные, в числе которых – оптимизм. Это обманчиво, но ситуация такова, когда «обманываться рад». С возрастом как-то не чувствуешь его тяжести, тебе кажется, что еще много сил, многое впереди, много замыслов, и это помогает жить. Это даже не самообман, а средство остаться деятельным до последнего часа и не думать о том, «а что потом?». Мне ведомо: потом – ничего. Человек приходит в мир, о котором ему известно очень мало. Все остальное – «ничто». Человек ищет и открывает смыслы. Устойчивы только те из них, которые он формирует сам. Это делает жизнь наполненной. Так просто, но так трудно.

Что касается итогов, то сейчас подводить их действительно как-то не очень принято. Я всю свою жизнь делал все, что мог, что мне нравилось или что считал своим долгом делать, а результат, как всегда в жизни, смешанный: были взлеты и падения, успехи и неудачи, гордость за содеянное, острое разочарование и чувство вины – все перемешалось в этой жизни, что дает мне основание полагать, что она была достаточно полноценной, нормальной, как у каждого человека, которому суждено пройти долгий жизненный путь.

Вполне закономерно, что каждое новое поколение приоткрывает для себя историю своей Родины, и прежде всего это связано с осмыслением тех или иных судьбоносных для страны событий, активными участниками которых были вполне конкретные люди. От их жизненного опыта, гражданской позиции, профессионализма и личных качеств всегда зависело очень многое. У Вас в этом отношении удивительная, просто уникальная судьба. Какие события в своей жизни Вы считаете судьбоносными и как оцениваете свою роль в их разрешении? Есть ли после стольких лет, когда многое уже состоялось, какая-то горечь за недосказанное или неудовлетворенность своей позицией?

Самым судьбоносным событием своей жизни я считаю то обстоятельство, что 1 сентября 1944 г., через месяц после того, как немецкие оккупанты были изгнаны с белорусской земли, я пошел в первый класс четырехгодичной сельской школы в деревне Домаши Ляховичского района. Судьбоносность событий и своего рода историчность в том, что в разрушенной дотла

Беларуси, Украине, западных областях Российской Федерации, освобожденных от оккупантов, учебный год начался точно вовремя. Не хватало керосина для ламп, дров для отопления, учебников, тетрадей, карандашей. Один карандаш разрезался на четыре части, и каждый ученик получал возможность писать. Вместо тетрадей откуда-то привозили офицерские блокноты, делили их и делали тетради для учеников. И тем не менее занятия начались, школы были укомплектованы учителями.

С тех пор у меня сформировалось убеждение: Советская власть давала все, что могла, и все, кто хотел учиться, работать, добиваться чего-то в жизни, такие возможности имели. Сейчас принято концентрироваться только на недостатках, искривлениях, если хотите, преступлениях той великой эпохи, которые, безусловно, тоже были. Но великая эпоха – это сложный сплав – положительного и отрицательного. Большая история всегда делается большой кровью, она требует жертв. А в целом для меня важно, что всех нас тогда социалистическая система охватила своим, может быть, слишком сильным контролем, но вела по жизни, давала возможность человеку проявить себя. Большая часть упреков в ее адрес справедлива, но преувеличены *ad absurdum* на потребу определенным силам. Я стал частью этой системы в форме реального социализма, который сложился в Беларуси после 1945 г. Здесь не было крупных исторических, общественных преступлений, была динамика прогресса, развития при всех недостатках социализма. Я имел честь и жизненную удачу служить этой системе, и я горжусь этим. Значительную часть своей деятельности я посвятил преодолению недостатков этой системы. Сложную динамику успехов и неудач можно было бы анализировать очень долго. Не все, конечно, удавалось, но в целом совесть моя сегодня чиста, как и совесть, как я убежден, тысяч других работников советского социалистического фронта Беларуси.

Представляется, что Вы достаточно рано почувствовали свои интеллектуальные и организаторские возможности. Безусловно, яркий и одаренный молодой человек родом из белорусской глубинки просто покориł столицу. Ваши таланты были замечены, что позволило найти себя в науке, затем в работе в международных организациях – ООН, ЮНЕСКО, самых высоких партийных структурах – секретарь Минского горкома партии по идеологии, заведующий отделом культуры ЦК КПБ, где Вы были востребованы прежде всего как профессионал. Что Вы можете сказать об этом этапе своей жизни?

Спасибо за этот вопрос. Самое интересное, что настоящим патриотом своей страны я стал именно тогда, когда был командирован на работу в Организацию Объединенных Наций и прожил 5 лет в Нью-Йорке среди, как сейчас принято говорить, рядовых американцев. Я понял одну простую истину: там хорошо, где нас нет, а когда ты дома, то преувеличиваешь недостатки и преуменьшаешь позитивные особенности жизни в своей стране, а их очень много во всех странах. Когда наблюдаешь за повседневной жизнью американца и участвуешь в ней, то видишь, что главные для них проблемы – снижение жизненного уровня, рост преступности, боязнь потерять работу. Сегодня в США 10 % без работы, а жизненный уровень «среднего класса» опустился до уровня 1960-х гг.

Вы будете смеяться, но я как человек, который не имел никакого отношения к партийным государственным структурам до отъезда за рубеж, искренне захотел в них участвовать, и подвинули меня на это произведения белорусских писателей, которые я захлеб, с жадностью читывал в Нью-Йорке, с нетерпением ожидая прихода туда литературных журналов «Полымя», «Маладосць», «Нёман». Особенно произвел на меня впечатление роман И. Шамякина «Снежные зимы». Мне представилось, что существует значительный пласт жизни, в частности административное руководство, о

котором я не имел понятия, но который очень интересен, и мне захотелось в нем поучаствовать. И словно по мановению волшебной палочки, по возвращении, когда я ожидал, что меня, молодого доктора наук, направят куда-то на научную или педагогическую работу, меня взяли в ЦК КП Беларуси на относительно низкую должность лектора отдела пропаганды и агитации.

Я считаю большой жизненной удачей, что меня судьба свела с выдающейся личностью – Петром Мироновичем Машеровым. Самолюбие мое было немножко задето, заработная плата лектора составляла тогда 220 рублей, доктора наук – 450, однако у меня состоялась с Петром Мироновичем первая (потом их было очень много) беседа, и в результате я иначе посмотрел на все, что кругом происходит. Как потом оказалось, он все учел: я начал работать лектором и сразу же – на полставки на кафедре марксистско-ленинской философии БГУ, что дало возможность восполнить потерю в зарплате и получить звание профессора.

Хочу подчеркнуть: система сама отбирала людей и двигала их. Уже в школе умные детские головки как-то выделялись через всякого рода математические, языковые, литературные конкурсы, олимпиады и все прочее, лучшим обеспечивалась возможность реализовать свой талант. Это не значит, что я лучший, скорее всего, я был такой, как все. Но меня замечали и выдвигали. Если ты добросовестно делаешь свое дело, то тебе предлагают идти дальше. И такой была судьба многих ребят из рабочих поселков, крестьянских семей, интеллигенции. Работали, поступали в учебные заведения, становились руководителями сельскохозяйственного производства, фабрик, заводов. Молодые ребята, начавшие свой путь в армейской самодеятельности, выдвигались и получали звания «Народный артист» за свой талант и так далее во всех направлениях. И сегодня, оглядываясь на этот этап своей жизни, я, естественно, преисполнен ностальгических чувств по совершенно простой причине: тогда я был молод и энергичен, но также и потому, что это была в общем справедливая система, которая давала людям возможности личного роста по заслугам, по стараниям.

А далее была Москва, работа проректором по науке Академии общественных наук при ЦК КПСС. Вы – самый молодой в СССР доктор философских наук, автор уникальных монографий, которые по плечу, пожалуй, целым академическим институтам. А вообще должность удивительная: здесь и наука, здесь и реальное управление, а главное – кадры. Тяжело ли Вам было, партийному работнику из Минска, адаптироваться в столице и остаться там самим собой, как всегда много и напряженно работая в науке?

Три с половиной года работы (1987–1990) проректором Академии общественных наук при ЦК КПСС были, пожалуй, самыми напряженными и интересными в моей жизни. Я окунулся в гущу перестройки, в АОН постоянно проходили семинары, философские и политические дискуссии с присутствием многочисленных ученых из Соединенных Штатов, Франции, Федеративной Республики Германии, ряда социалистических стран. В моем архиве масса благодарственных писем от людей, широко известных в социологии, философии, но дело не в этом. Академическое сообщество вело напряженный поиск будущих путей развития страны, мира, рождались довольно интересные предложения, были абсолютно уникальные споры, сталкивались мировоззрения, выкристаллизовывались идеи. К сожалению, никому они не понадобились.

Адаптироваться в Москве всегда тяжело – это огромный город, который обладает всеми плюсами и минусами всех мегаполисов мира. Москва стоит в ряду таких крупнейших мировых центров, как Нью-Йорк, Лондон, Париж, Дели, Пекин, Токио. Но одновременно это немножко и Мумбаи, Калькутта. Во всех мегаполисах формируется маргинальный слой – *underworld*. Его

хорошо описал в 1978 г. французский социолог Лиу Шевалье в работе «Трудные и опасные классы» (в оригинале удачная игра слов – «Les classes laborieuses et les classes dangereuses»). В Москве этот слой очень велик, поэтому жизнь здесь трудна и опасна. В любом мегаполисе есть верх и низ. Верх – велик, низ – ужасен. Надо уметь выбрать свое место и не свалиться вниз – эта опасность всегда подстерегает жителей таких городов. Но сам переезд психологически был приемлем, ведь меня пригласили в столицу нашей родины СССР, и, хотя мне тяжело было покинуть Беларусь, я понимал, что я работаю и живу в том же духовном, социальном, географическом пространстве и внутреннего конфликта при этом не было.

Могли ли Вы предполагать в то время, что скоро наступит другая жизнь, где придется опять начинать все сначала? Как Вы пережили развал СССР, предательство в партии, выход на новые рубежи? Вы же боролись до конца, вошли в состав российской Компартии, были избраны членом ее Политбюро...

Вы знаете, до партийной конференции КПСС 1989 г. перспектива развала страны не прорисовывалась. Кстати, и сегодня ретроспективно многочисленные исследователи Соединенных Штатов и других западных стран говорят о том, что даже самые тонкие наблюдатели, в том числе и те, кто «мониторит» политическую ситуацию в спецслужбах, не предвидели распада СССР вплоть до окончательных событий в августе 1991 г. Они понимали, что наступил большой период ослабления, готовы были содействовать этому ослаблению, но рассчитывали, что он продлится несколько десятилетий, после чего либо страна обретет второе дыхание и преодолет кризис, либо наступят какие-то необратимые последствия.

Особенно трагичным на партконференции 1989 г. было изъятие из Конституции статьи 6, в которой говорилось о том, что КПСС является руководящей политической силой, цементирующей и скрепляющей советское общество (разумеется, это свободная интерпретация, у меня под рукой подлинного текста нет). Когда-то очень известный кремленолог Севелин Бьялер, наблюдая первые подвижки в направлении перестройки и видя, как они перерождаются во всеобщую болтовню, сделал такой вывод: «Система настолько совершенна, что стоит вынуть из нее один винтик – и она развалится». А этим решением конференция КПСС вынула не винтик, а хребет из правовой социально-экономической системы многонационального СССР. С тех пор все пошло вкривь и вкось.

Я часто говорю, когда меня спрашивают об этом, что я родом из СССР. Меня сформировывала система, которая объявляла и искренне хотела сделать всех людей счастливыми. Но ей это не удалось. Она прекратила свое существование, не причинив никому зла, не вызвала никаких мировых военных и других катаклизмов. Многие от нее отреклись и стали поносить, я не смог. Я понимал, что распад СССР будет колоссальной трагедией для миллионов людей, и поэтому, когда на учредительном съезде КП РСФСР в 1990 г. меня неожиданно избрали в состав Центрального комитета, а потом секретарем ЦК и членом Политбюро, я не отказался, ибо решил, что моя нравственная обязанность – защищать эту систему. Я много ездил по России, выступал, убеждал, боролся за сохранение этой системы до конца. Поэтому распад СССР стал для меня колоссальной личной трагедией. Никогда не забуду, когда 23 августа вечером работников ЦК РСФСР и ЦК КПСС изгоняли из помещений на Старой площади толпы пьяной молодежи. Я все это видел собственными глазами.

Очень важно, я хочу это отметить, все члены Политбюро ЦК КПСС бесследно исчезли еще утром. Мои частые звонки в приемную Генерального секретаря М.С. Горбачева с предложением защитить женщин при выходе из 5-го подъезда дома на Старой площади от бесчинствующей толпы остались

без ответа. Все члены Политбюро ЦК КПСС всплыли много месяцев спустя на новых должностях: кто президентом автономной республики, а кто – бывшей союзной, кто послом за рубежом, кто верным сторонником Б.Н. Ельцина. Это горькое обстоятельство. Но еще более горьким является то, что, когда все свершилось в одночасье, за три дня, и великая система рухнула еще до официального объявления об этом, ни один трудовой коллектив великого СССР, ни одна воинская часть, включая и «вооруженный отряд партии» – КГБ, не предприняли никаких усилий по ее защите, не высказали публично сожаления. Получается: система получила то, что заслужила. Болью в сердце до сих пор отзываются упущенные возможности реформирования. Распад СССР принес страдания многим миллионам людей на постсоветском пространстве. Великая идея социализма скомпрометировала себя, ибо не нашла сил нести груз реальной истории и реабилитировать себя в глазах миллионов.

После всего было ли к чему приложить свой опыт и знания, были ли они востребованы сполна, удалось ли сделать возможное?

В бытность мою секретарем и членом Политбюро ЦК КП РСФСР я буквально подвергался постоянному прессингу со стороны руководителей научных учреждений, которые меня звали обратно в науку: и первым заместителем директора Института марксизма-ленинизма, и директором Института социологии Академии наук СССР, и назад в Академию общественных наук, и на научную работу в Институт мировой экономики и международных отношений. После того как КП РСФСР была запрещена указом Б.Н. Ельцина 23 августа 1991 г., мой телефон замолчал. Изъяты были атрибуты высокого партийного чиновника: дача, автомобиль, два водителя и др. Телефон был поставлен на прослушку, меня постоянно сопровождали три человека из наружного наблюдения, сами понимаете, из того же самого ведомства, которое до этого обеспечивало охрану. А поскольку я в Москве работал только пятый год и как-то в московскую бытовую ситуацию еще не проник, самое страшное было проснуться ночью с мыслью: «Чем кормить семью?» В это время В.Ф. Кебич пригласил меня на работу в Минск в создаваемый Центр социально-экономических и политических исследований, а потом директором Института информации и прогноза, за что я ему останусь глубоко благодарным до конца своих дней.

Я активно включился в идейную борьбу. Обстановка в Минске, которую я застал в августе 1992 г., была весьма своеобразная, о ней пока не говорилось в печати, я хочу изложить свои впечатления без прикрас. Случилось так, что мне было назначено на прием к В.Ф. Кебичу в августе 1992 г. утром в 9 часов. Я, как всегда, пришел раньше и полчаса ждал, прогуливаясь у входа в здание Совета Министров. И обнаружил, что туда быстро направляется масса моих знакомых из ЦК КПБ. Их объединяла одна особенность – все были бывшие работники общего отдела, оргпартотдела, отдела кадров. Они все как-то тихо перекочевали, устроились и были в общем довольны судьбой. Меня это удивило и насторожило, ибо означало, что из партийных структур административно-управленческая система востребовала наиболее бюрократизированную, догматическую, негибкую часть партийного аппарата.

В целом же впечатление было двояким: с одной стороны, за исключением партаппарата, белорусское чиновничество не потеряло своих насиженных мест, служебных автомобилей и кабинетов в связи с переходом из одной общественной системы в другую. Сами понимаете, их задачей было только сидеть, прижав уши, в надежде, что все большие бури пролетят мимо, а они сохраняют свои позиции. Большинству это удалось. Они мало занимались делами суверенной молодой страны, но зато были очень активны в своих: продвигали своих деток, влезали во всякие бизнес-проекты, выбивали кредиты, строили дачи. Строить дачи в то время можно было,

только используя лимитные фонды, которые предназначались для других дел: для строительства школ, ремонта больниц, высших учебных заведений, жилого фонда и пр. Поэтому это, конечно, было разграбление ресурсов.

Следует, однако, отметить, что коррупции в масштабах, которые познали другие республики постсоветского пространства, в Беларуси тогда не было.

Второе впечатление состояло в том, что республика как будто бы встрепенулась, и все то, что в кадровом и человеческом ресурсе ранее составляло суть маргиналии, оказалось в центре, претендуя на особое положение. Многие из тех, кем в свое время партийная система пренебрегала за пьянство, аморальное поведение, нерадивое отношение к работе и т. д., толпились возле кабинетов крупных чиновников, выставляли себя жертвами прошлой власти, борцами за идею, блюстителями какой-то особой нравственной чистоты. Это было тягостное зрелище.

Естественно, ситуация была понятна и народу, поэтому в избирательной кампании 1994 г. кандидату от административно-управленческой системы В.Ф. Кебичу выиграть было невозможно. Народ оказал свое доверие другому. Сегодня В.Ф. Кебич в своих мемуарах упрекает членов его команды, включая и меня, за то, что они якобы «переметнулись». Это неправда, мы боролись до последнего, пытаюсь обеспечить «приличный проигрыш». На выигрыш надеяться было уже нельзя.

Никто его не предал, никто и сегодня не говорит в его адрес плохих слов, но и ему надо бы более объективно посмотреть на свое поведение тех времен. Пробриться к нему с деловыми предложениями тогда было нелегко: вокруг него крутилась невероятная масса тех, у кого были свои личные цели, а не задача сохранения его у власти. Первые годы суверенитета, конечно, были очень трудными, но Беларусь прошла их легче, чем другие республики бывшего СССР. В стране сохранилась высокая трудовая дисциплина, вера людей в лучшее будущее, понимание того, что только они сами могут его создать. Страна смогла мобилизовать созидательный энергетический потенциал своих граждан на серьезные дела и успехи. Почти все, что предлагалось в те годы вновь избранной властью в 1994 г., реализовалось.

После отставки Вы вновь переехали в Москву на преподавательскую и аналитическую работу. Как Вы чувствовали себя в стране победившего олигархического капитализма, какой он, постсоветский, капитализм, и о такой ли жизни мечтали ниспровергатели старой системы? И в этой связи – что для Вас Беларусь, кем Вы себя ощущаете в российской среде?

После отставки с поста министра иностранных дел в 1998 г. я читал курс «Права человека» на белорусском языке в Белорусском университете культуры. Это было хорошее время, и занятость этой работой помогла мне, конечно, сгладить горечь отставки. Должен сказать, что пластичность и богатство родного языка таковы, что никаких проблем с переводом терминологии я не испытывал. В профессиональной жизни мне больше приходилось говорить на русском, английском, немецком или французском языках. Однако каждый раз, когда есть возможность, говорю на родном белорусском, я делаю это с наслаждением.

В то время, о котором я говорю, стали поступать достаточно серьезные предложения из Москвы. Приглашали на работу в Институт социально-политических исследований Академии наук Российской Федерации, в МГУ, в Российскую экономическую академию им. Г.В. Плеханова и т. д. В Москве у меня оставалась дочь, была квартира, и после серьезного размышления я решил принять это предложение.

Постсоветский капитализм, в который я вынужденно окунулся в Москве, – это капитализм криминально-бюрократической, олигархической структуры, который стремится подчинить общественное производство, целелеполагание

и ценностный мир наживе тех, кто имеет доступ к ресурсам, власти, к контролю над средствами общественной информации. Максимальная криминализация постсоветского капитализма – тревожный признак. Такой капитализм к длительному историческому существованию неспособен, рано или поздно он взорвет себя, эволюционируя в какую-нибудь более приемлемую систему с учетом мирового опыта, или приведет к развалу великой страны.

Я являюсь членом Российской академии социальных наук – это негосударственное учреждение. Академия проводит регулярные сессии, где встречаются российские и зарубежные ученые, идет интенсивный анализ мировой ситуации, внутрироссийских проблем, социодинамики постсоветского пространства и т. д.

Конечно, возможности публикаций ограничены, но мне все же удалось за период пребывания в России опубликовать четыре книги, хотя тираж каждой из них не превышает 500 экземпляров, и изданы они очень скромно. Все это время я ощущаю себя гражданином Беларуси и люблю повторять фразу, которую я, скорее всего, использую как заглавие своей книги о Беларуси: «Беларусь во мне, и я в Беларуси». Национальная, историческая, культурная идентичность особенно остро ощущается, когда ты выезжаешь за пределы своей Родины. Моей родиной была и остается Беларусь, здесь похоронены мои родители, здесь я дома. Да, я нормально чувствую себя и в российской академической научной среде: пока я востребован, много работаю, есть планы опубликовать еще одну-две книги, но это уже зависит не только от меня. Когда у де Голля спрашивали, что он собирается делать, он говорил, что будет продолжать писать мемуары, добавляя фразу «si Dieu me permet» – «если Бог разрешит». Я, конечно, не де Голль, но, похоже, единственная сила, которая будет определять мою дальнейшую судьбу, – это та, которую упомянул де Голль. Кстати, де Голль так и не закончил второй том мемуаров.

Иван Иванович, расскажите, пожалуйста, нашим читателям, как Вы нашли себя в социологии, какой она была тогда в мире и у нас в Союзе, какие тенденции в ее развитии доминировали, кто на Вас производил самое сильное впечатление, работы каких авторов Вас увлекали и заставляли буквально по-новому открывать мир, в котором мы всегда жили?

Я окончил Институт иностранных языков в Минске и в декабре 1959 г. был приглашен в Институт философии переводить материалы социологического конгресса, состоявшегося в том же году в городе Стреза в Италии. Я выиграл конкурс переводчиков, заявив о том, что могу переводить с английского, французского и немецкого языков. Мне были устроены испытания, английский и немецкий я преодолел достаточно легко, с французским вышло похуже, но тем не менее я был взят на работу.

Тогда у меня проявился интерес к социологии как науке. Через два года мне предложили поступить в аспирантуру института, я поступил и закончил ее в 1964 г., защитив кандидатскую диссертацию «Проблема ценности в американской буржуазной философии и социологии». В свое время мы поступали на одну вакансию в аспирантуру Института философии АН БССР с моим другом М.В. Кононом, к сожалению недавно умершим. Но если он поразил приемную комиссию тем, что наизусть цитировал пассажи из «Науки логики» Гегеля, то я тем, что называл имена современных социологов, которые были приемной комиссии, похоже, неизвестны, и это было заметно, хотя она и старалась не подавать виду. В итоге нам обоим поставили пятерки, Конона взяли на эту вакансию, а для меня создали другую в секторе исторического материализма, которым в то время заведовал Георгий Петрович Давыдюк. С тех пор моя специальность была «Критика буржуазной социологии».

Социологом я стал, собственно, в период работы в отделе социального развития Организации Объединенных Наций в 1969–1974 гг. Там я получил доступ к классической социологической литературе. На меня произвели неизгладимое впечатление идеи Макса Вебера, Эмиля Дюркгейма, Толкотта Парсонса. Это была не то чтобы альтернатива марксизму, это была просто новая наука со своим собственным предметом – социально-экономическими и общественными процессами, которая изучалась всесторонне и нетривиально. Я собрал достаточно уникальную библиотеку по социологии, работая в Соединенных Штатах, и пополняю ее всю жизнь. И сейчас на исходе своих дней я думаю, кому бы подарить эту библиотеку.

В 1970-е гг. социологические идеи воспринимались в нашей академической среде все еще как предельно инновационные и немножко еретические. Сегодня я с удовлетворением констатирую существование серьезных, зрелых научно-социологических сил и личностей не только в Российской Федерации, но и в родной Беларуси. Мне доставляет большое удовольствие читать статьи и книги белорусских социологов, в том числе и Ваши, Александр Николаевич, и я убежден, что наука социология свое место в жизни постсоветского пространства заняла прочно. Хотелось бы, однако, чтобы она перешла, наконец, от теоретических исследований высокого уровня к гораздо более всеобъемлющему эмпирическому изучению действительности, прогностке социальных процессов, определению причин и глубинных следствий конкретных социально-практических действий противоборствующих социальных сил.

Конечно, Ваш жизненный путь повторить невозможно, да и вряд ли кто попытается это сделать, он по силам только действительно целеустремленному и крепкому духом человеку, который всегда стремился быть хозяином своей судьбы, мало надеявшись на Божий промысел. Поэтому сегодня, в канун юбилея, Вы можете честно смотреть людям в глаза и безо всякого лукавства сказать, что добились всего в своей жизни исключительно в силу своего таланта и трудолюбия, которое унаследовали от родной белорусской земли и своих родителей. И все же, Иван Иванович, а как сейчас Вы оцениваете свой жизненный путь, что хотелось бы изменить, или, наоборот, нужно было быть более настойчивым, а Вы сочли для себя возможным немножко отступить, осмотреться?

Что касается таланта, то я сам оцениваю его очень сдержанно, максимум в целом ряде своих «интеллектуальных потуг» я демонстрировал возможности немножко выше среднего. Скажу откровенно, я всегда недоволен своими печатными публикациями: с учетом занятости на активной практической работе, поглощавшей все свободное время, наукой приходилось заниматься буквально урывками, и поэтому написанное никогда не удовлетворяло, слишком заметен был элемент поспешности. Правда, моя практическая занятость теперь мне служит и некоторым оправданием: если бы ее не было, а все-таки элемент поспешности и поверхностности остался, тогда мне нечего было бы приводить в самооправдание. Однако, что касается того, что хотелось бы изменить в прошлом, я понимаю, изменить ничего нельзя, что было – то было. Скажу только, что я хотел свою жизнь прожить честно и в большей части своих поступков руководствовался добрыми намерениями. Конечно, если бы не было соблазна ринуться в политическую деятельность, можно было бы многое еще сделать в научно-исследовательской работе, в преподавательской; жизнь была бы спокойнее, уравновешеннее. Но зато я болел всеми болезнями своего времени, был в нем активным участником, и это дает определенное удовлетворение на склоне лет.

Может, мне нужно было этот вопрос задать в начале нашего разговора, но мы как-то с Вами увлеклись, поэтому исправляюсь и прошу Вас, уважаемый Иван Иванович, рассказать о своих корнях, родителях, семье, школьных учителях, юношеских мечтах. Доводится ли сейчас бывать на своей малой Родине, сохранились ли связи с родственниками и односельчанами?

Родился я в простой крестьянской семье в деревне Домаши Ляховичского района Брестской области. Рано потерял отца, когда он умер, мне едва исполнилось 5 лет. Мама осталась одна с тремя сиротами. Она вышла замуж во второй раз, родились еще трое детей. Из шести детей трое уже ушли из жизни. Но моя малая Родина оставила неизгладимое впечатление в моей душе и устойчивую потребность посещать ее каждое лето, когда я нахожусь в отпуске. Скажу честно, приезд на Родину, к родным могилам, к оставшимся родственникам, которых, к сожалению, становится все меньше и меньше, для меня является глубокой эмоционально-психологической потребностью, и общение с прошлым восстанавливает мои силы и помогает жить дальше.

После семилетней школы я окончил два учебных заведения в Беларуси: Несвижское педагогическое училище имени Якуба Коласа (до сих пор и до конца моих дней Несвиж останется для меня своеобразным местом паломничества, душевного вдохновения) и Минский государственный институт иностранных языков (1955–1960). Я сохранил навсегда теплые воспоминания о педагогах. В педагогическом училище нас, деревенских детей, они постепенно приобщали к нормальной современной жизни, учили не только манерам, но и гигиене и многому другому, приобщали к чтению, к интеллектуальным занятиям, открывали нам сокровища мирознания и культуры. В Минском инязе эта традиция была продолжена. Несмотря на то что эпоха была сложная, доступ к зарубежной информации ограничен, педагоги делали практически невозможное, обучая нас по современным стандартам. Знания, полученные в инязе, сослужили мне уникальную службу в последующем, ибо открыли новые горизонты информационных потоков, которые позволили критически сопоставлять и анализировать идеологическую теорию, практику своей собственной страны, достоверность научных и политических теорий, вести сравнительный анализ политической ситуации всюду в мире. Не было бы иняза, я не смог бы заниматься проблемами глобализации, мировой эволюции крупных общественных структур капитализма и социализма, не смог бы делать научно-аналитической прогностики, которая приносит мне сейчас не только интеллектуальное удовлетворение, но и добавляет немножко средств к существованию.

Все это время, где бы Вы ни находились, на какой должности бы ни работали, неустанно трудились в науке. Сегодня, как и раньше, книги выходят с завидным постоянством, как всегда фундаментальные, в которых затрагиваются самые острые и злободневные проблемы современности, с использованием новых научных источников, опубликованных на основных европейских языках. Над чем Вы сейчас работаете?

Только что вышла моя новая книга «Русская идея и российский выбор». Я очень много раздумываю над проблемой русского культурного пространства, продолжающей уже на протяжении двух десятилетий объединять народы бывшего СССР общностью понимания основных жизненных процессов современного мира, схожестью ценностных суждений, образов жизни. Русская идея и русский мир в имперский период своей истории имеют уникальные заслуги перед человечеством. Если развивающиеся европейские империи: Английская, Германская, поначалу Французская империя, а потом

Французская республика и другие – колонизовали весь мир, подчиняя народы своим задачам и потребностям, то Российская империя своей непрерывной экспансией в XVII–XIX вв. (иначе быть и не могло, ее просто задавили бы другие расширяющиеся европейские империи) присоединяла к себе народы, сохраняя их идентичность, территориальную принадлежность, культурные особенности.

Она приобщала эти народы к русскому культурному миру, поднимала их до уровня высших стандартов духовного творчества, социальной организации, формировала их историческое самосознание с учетом этнического своеобразия и ценностей. Российская империя, а потом СССР сохранили уникальный многонациональный мир, на который распространялась практически неограниченная ее власть. Она показала миру, как можно жить и работать в многонациональной среде. Объединяющей силой этого мира является русская идея. Возврат русской идеи в мотивацию культурной жизни народов постсоветского пространства является весьма неотложной духовной задачей.

Что касается дальнейших планов, то они, конечно, есть. Я исследую процессы динамики социологии в современном глобальном мире и хочу написать несколько книг о Беларуси. У меня своя точка зрения на своеобразие исторического пути народов Беларуси, я был участником драмы становления новой суверенной демократической Беларуси, и поэтому мне есть о чем рассказать, но пока меня больше увлекает социологическая проблематика.

Меня продолжает угнетать анахронично устойчивая идеологическая непримиримость людей, которые именовали себя демократами и которые получили возможность бесконтрольного использования средств массовой информации, телекоммуникационного пространства. Их главной задачей сегодня является яростный вирулентный антикоммунизм и очернительство семидесяти пяти лет нашей истории. Мне этот подход представляется глубоко деструктивным. Я исхожу из того, что подход с точки зрения определения, что было верно и что неверно у основоположников человеческой цивилизации и мысли, является порочным. К идейному наследию величайших мыслителей человечества Конфуция, Лао-Цзы, Платона, Аристотеля, Святого Августина, позже Маркса, Энгельса, Ленина, Ганди, Мао Цзэдуна и других нельзя подходить упрощенно. Просто динамика социогенеза схватывала отдельные положения их великого учения, а другие отвергала по причинам, которые в каждом конкретном случае нужно глубоко исследовать. Самое интересное, что ничего в истории идей не пропадает бесследно. При неожиданном, нетривиальном стечении исторических обстоятельств возникают и пускают жизненные корни идеи, которые казались давно забытыми. С этой точки зрения историческая судьба социализма отнюдь не исчерпала себя. Идее социальной справедливости и социализма более пяти тысяч лет, она внедрялась с различной долей успеха на различных этапах исторического существования и еще скажет свое веское слово в деле организации будущего человечества на условиях глобального и взаимозависимого мира. Пока меня интересует социодинамика человеческой цивилизации в этом направлении, и я надеюсь, что у меня еще будет возможность написать об этом.

Вас хорошо знают в Беларуси как прекрасного оратора, лектора, пропагандиста, человека, который, несмотря на постоянную занятость, всегда находил время встречаться со студентами, был всегда востребован как политический аналитик международного уровня. Какой Вам представляется современная молодежь, как, с Вашей точки зрения, будет дальше развиваться мир и каково место в нем Беларуси и России?

Я люблю современную молодежь. Я ни в коем случае не разделяю старческого предрассудка и брюзжания о том, что теперь они какие-то не такие. Они такие, и во многом лучше нас. Они более информированные, раскованные и более свободные в суждениях. Они так же стремятся к счастью, как стремились мы, и их представления о счастье примерно те же: любовь и дружба, семья, благополучие, возможность реализовать себя.

Конечно, в условиях «свободного рынка» мотивация быстрого материального успеха любой ценой занимает иногда неоправданно большое место в их действиях, однако это пройдет. Среди современной молодежи немало очень чистых, искренних, доверчивых (может быть, излишне доверчивых) молодых людей, готовых на конкретные серьезные дела, на подвиг, способных к дружбе и любви. Для меня общение с молодежью в студенческих аудиториях всегда является источником величайшего интеллектуального наслаждения. Я хочу быть стариком, который заслуживает репутации бескорыстного друга молодежи. Иногда мне это удается, иногда мне не доверяют, иногда относятся ко мне с некоторой снисходительностью, но это специфика молодежного поведения, молодежной оценки тех, кто старше. Для меня общение с молодежью – источник мощной жизненной силы и обогащения моих взглядов на мир.